

Чэн Шу вместе с Ли Каем обошел три огромных торговых корпуса. Каждый высотой в пять этажей — сияющие чистотой окна, безупречно белые стены. Внутри, ярус за ярусом, тянулись бесконечные торговые ряды, где магазинчики примыкали один к другому. Одежда, обувь, галантерея, всевозможные лавки с едой и напитками — все эти заведения выстроились сплошной чередой, одновременно и обособленные, и соединенные общими переходами.

— Почти как в Гонконге, когда мы туда ездили? — спросил Чэн Шу.

— Да, оттуда идею и взяли, — кивнул Ли Кай. — Но согласись, у нас вышло и просторнее, и чище. Вспомни наши старые государственные универмаги: унылые двухэтажные коробки, забитые залежалым товаром, где о красивой выкладке или нормальном ремонте никто и не слышал. А здесь можно найти абсолютно всё, что нужно для жизни. Под первым корпусом у нас огромное подвальное помещение, мы сдали его в аренду под супермаркет. Точнее, это один из сетевых магазинов нашей собственной компании. Торговля идет неплохо, пока выходим в ноль, но когда вокруг все застроят жилыми домами и квартиры распродадут, район оживет окончательно. Думаю, года через три-четыре здесь будет настоящий центр округа.

Стоя у ограждения на верхнем этаже и глядя на копошащихся внизу, на площади, людей, Чэн Шу поймал себя на мысли, что за три года его отсутствия мир перевернулся с ног на голову. И это были перемены к лучшему.

— Так ведь и отстать от жизни недолго, — с улыбкой вздохнул Чэн Шу. — Всё меняется с бешеной скоростью. Стоит на секунду отвернуться — и уже ничего не понимаешь. Повсюду новые вещи, новые идеи... Я погляжу, тут в основном молодежь крутится. Похоже, такой формат им очень по душе.

— Да, молодым подавай новизну и моду, — согласился Ли Кай. — Мы знатно вложились в рекламу этого района. Кстати, квартиры в здешних новостройках скупают в основном молодожены.

Старые друзья не виделись целую вечность, так что без хорошего застолья не могло обойтись. Вечером Ли Кай организовал банкет: пригласил Чэн Шу и еще нескольких однокашников, которые теперь обосновались в столице и с которыми они в свое время были не разлей вода.

Устроились в уютном ресторанчике хого прямо в торговом центре «Голубое небо». Над столами поднимался ароматный пар, гости развалились на мягких диванах, то и дело отправляя в кипящий бульон тонкие ломтики мяса и зелень. Вскоре лица у всех покраснели от хмеля и тепла.

Если Чэн Шу, Ли Кай и Ван Сюань умудрились сохранить прежнюю поджарость, то большинство их приятелей, успевших обзавестись семьями и за годы службы превратившихся в тертых калачей, заметно округлились в талии.

— Я-то думал, это у Ли Кая брюшко намечается, — со смехом подначивал Чэн Шу, разглядывая растолстевших товарищей. — А вы на себя посмотрите! Настоящие пузатые дядьки!

В ответ на него тут же обрушился шквал шуточных упреков.

— Мы люди солидные, отцы семейств, мужья! Что нам то пузо? Зато сразу видно — человек уважаемый, при должности, веса в обществе добавилось, смекаешь?

— Вот именно! Толку от твоей красоты, если до сих пор бобылем ходишь? Небось по вечерам только на свою правую руку и считаешь!

— Да его дети, когда наконец появятся, будут пешком под наши столы ходить и звать наших ребят «старшими братьями» да «сестрами»...

Чэн Шу лишь презрительно хмыкнул в ответ.

Но расплата последовала незамедлительно. Приятели один за другим принялись чокаяться с ним, заставляя пить до дна. Чэн Шу, не привыкший к частым возлияниям, быстро захмелел и потерял ориентиры. Куда ему было тягаться с этими пузанами, чья печень закалилась в бесконечных чиновничьих банкетах! Впрочем, сам виноват — нечего было дразнить чужие животы.

Времена нынче такие — всё решает застолье. Хоть какое-то дело проверить — пей, принимаешь начальство — пей, ведешь бизнес — снова пей. С ума сойти можно от этого вечного пьянства.

Самый толстый из компании, похлопав себя по необъятному животу, заплетающимся языком пожаловался:

— А ведь по молодости у меня тоже пресс был... Мать его, с этой работой только и делаешь, что глушишь. Порой по два банкета на дню! За столом и кусок в горло не лезет, только и успеваешь стаканы опрокидывать — то байцзю, то вино. Боюсь, парни, до пенсии не дотяну: либо язву заработаю с кровотечением, либо инфаркт долбанет. А куда деваться? Начальству-то что, они могут пригубить для виду, а нам, мелким сошкам, вертись как хочешь. Шеф слегка пригубил, а ты из кожи вон лезешь, глушишь до дна, сука... уф-ф...

— Вот вырастешь в большого начальника, сам пить перестанешь и другим запретишь, — усмехнулся Ли Кай.

Ли Каю тоже изрядно досталось: он не раз перехватывал рюмки, предназначавшиеся Ван Сюаню, и теперь сидел хмельной, сощурился, точно сытый лис.

— И то верно, черт поberi! — рявкнул толстяк. — Вот стану большой шишкой, пускай только

попробует кто рюмку сунуть — сразу за дверь полетит. Мать его... Чтобы выбить для района копеечный проект, нам, рабочим лошадкам, приходится здоровье в утиль сдавать. До кровавой рвоты допиваемся!

Даже Ли Каю, при всей его сдержанности, то и дело приходилось мотаться по банкетам, что уж говорить о государственных служащих, у которых любой мало-мальски важный чих сопровождался накрытыми столами. Казенные деньги не пахнут, все расходы спишут на представительские, так чего жалеть бюджет? А если в казне пусто — запишут в долг. Ли Кай как-то читал в газетах, что некоторые рестораны попросту разорились из-за того, что местные администрации годами не выплачивали им долги за банкеты. Придешь за расчетом — тебя шлют из кабинета в кабинет. А если руководство сменилось, новый начальник только руками разводит: «Я ничего не подписывал, ищи того, кто гулял». Но ведь гуляли-то от лица ведомства, с какой стати долг вешать на частное лицо? Сплошная волокита и обман. Гоуданю в бизнесе тоже порой приходилось, скрепя сердце, списывать подобные убытки.

Однако вечно водить себя за нос он не позволял. Если какой-нибудь чинуша решал по-тихому пообедать за его счет, Ли Кай терпел это лишь единожды. Второго шанса такой «партнер» не получал, а о дальнейшем сотрудничестве не могло быть и речи. Думают, раз коммерсант, так можно безнаказанно ноги вытирать? Ошибаетесь, Ли Кай умел давать сдачи.

Он прекрасно знал все грешки и слабости своих приятелей, устроившихся в госструктуры. Дружба дружбой, но сесть себе на шею он бы не позволил никому. Если сегодня он уступал, то завтра находил способ вернуть должок с процентами, да так, что мало не казалось. Разумеется, плетью обуха не перешибешь, и ссориться с властью без крайней нужды глупо. Если наглость не переходила границ, Ли Кай предпочитал смолчать и зачесть это как плату за нужные связи.

К счастью, университетские друзья, с которыми они поддерживали связь, всё же знали меру и сохраняли остатки совести. Жадных и беспринципных хапуг Ли Кай давным-давно вычеркнул из своей жизни. Те же, кто собрался за столом сегодня, хоть и стремились к карьерным высотам, имели свои твердые принципы. А любители поживиться за чужой счет из числа бывших знакомых либо улетели в черный список, либо стараниями Ли Кая лишились должностей, а то и вовсе отправились шить рукавицы в места не столь отдаленные.

В бизнесе нужна гибкость, но без внутреннего стержня пропадешь. Свяжешься с чиновниками без должной осторожности — и пиши пропало, утянут за собой на дно.

Несмотря на пьяные жалобы, все присутствующие отлично контролировали себя. Границу дозволенного никто не переступал — язык у каждого был на привязи. Даже в стельку пьяный Чэн Шу всё еще соображал, кто перед ним, и твердо держался на ногах. Ли Кай понимал: за этим столом собрались настоящие пройдохи, способные вершить большие дела. А такие люди никогда не позволят алкоголю полностью отключить разум.

Ван Сюань выпил меньше всех. Именно он позаботился о друзьях и заказал для каждого по пиале горячей жидкой рисовой каши, чтобы хоть немного успокоить их измученные желудки.

Чжан Цзюньминь, хмельно моргая, пробормотал:

— Спасибо тебе... Спасибо, наш дорогой доктор Ван. Эх, погрязли мы в мирской суете, мечемся изо дня в день ради чинов да денег. То ли дело ты, Сяо Сюань. Быть врачом — это же благородно! Спасать жизни... Великое дело, великое!

Ван Сюань невольно улыбнулся, глядя на его расчувствовавшуюся физиономию:

— Рад слышать. Может, тогда тоже в медицину подашься, сменишь профессию?

— Не-не, — замахал руками тот. — Я... я же вида крови не переносу!

Стол взорвался дружным хохотом. Приятели принялись подначивать бедолагу: мол, мужик, а крови боится, ну что за срам!

Впрочем, хоть эти деятели и казались вдрызг пьяными, пиалы с кашей они держали на удивление твердо. Ван Сюань сразу всё понял и даже не стал заваривать им антипохмельный чай. Похоже, рассказы про ежедневные банкеты не были преувеличением — печень у ребят отросла знатная.

Серьезных тем за столом, кроме дежурного обмена сплетнями да укрепления связей, не поднимали. И всё же посидели знатно. В конце вечера Ван Сюаню пришлось лично развозить разомлевших гостей по домам.

На следующее утро Ли Кай превозмогал жестокую головную боль. Кое-как добравшись до офиса, он велел принести ему порцию пресной каши. Стало немного легче, огонь в желудке поутих, и парень заставил себя сесть за разбор текущих документов.

Кое-как промучившись до обеда, он вздрогнул от телефонного звонка. Звонил Цичжи — сообщил, что они с женой собираются приехать в столицу.

— Что стряслось? — спросил Ли Кай.

Но тот лишь мялся, мычал в трубку и ничего толком не объяснил, обронив лишь, что разговор не телефонный и всё расскажет при встрече.

Ли Кай попросил его заодно прихватить с собой отца с мачехой, на что Цичжи с готовностью согласился.

Голова раскалывалась так, что терпеть больше не было сил. Быстро раскидав самые важные бумаги, Ли Кай плюнул на приличия и уехал домой спать, устроив себе незапланированный отгул.

Вернувшись вечером с работы, Ван Сюань обнаружил плотно зашторенные окна и неподвижный силуэт на кровати. Испугавшись, он поспешно щелкнул выключателем настольной лампы и коснулся лба Ли Кая. Температуры не было.

Ван Сюань с облегчением выдохнул и негромко проворчал:

— Тоже мне, герой... Пить не умеешь, а туда же.

Ли Кай вообще-то обладал крепким здоровьем, и обычные дозы алкоголя переносил шутя. Но вчера, видимо, сказалась радость встречи: в большой компании хмель незаметно берет свое, а когда кругом веселье, остановиться трудно. В разгар застолья он держался огурцом, зато похмельный синдром накрыл его по полной программе.

Оставив бедолагу отсыпаться, Ван Сюань отправился на кухню. Сварил легкий жидкий суп, наспех обжарил пару тарелок зелени и нарезал соленую свинину — вот и весь нехитрый ужин.

— Просыпайся, Гоудань-гэ. Как голова? Совсем худо?

Разбуженный нежным толчком Ли Кай непонимающе моргнул, продирая глаза.

— Который час? — хрипло спросил он.

— Седьмой час уже. Давай вставай, поешь немного, а потом снова ложись.

Сладко зевнув, парень поднялся с постели. Голова почти прошла. Размяв затекшие плечи, он скрылся в ванной, а вышел оттуда уже совершенно посвежевшим. Усаживаясь за стол, он рассказал Ван Сюаню о скором приезде Цичжи.

— Мялся как девица, ничего толком не объяснил. У них ведь сейчас самый разгар семестра, занятия идут.

— Действительно странно, — кивнул Ван Сюань. — Ладно, надо будет комнату приготовить. Кстати, как спать будем? Опять по разным углам разойдемся или не станем прятаться? Пожалуй, лучше как раньше... Пока помолчим.

— Ладно, — согласился Ли Кай.

— Цичжи не назвал причину, но едет вместе с женой, — задумчиво произнес Ван Сюань. — Они ведь уже больше года в браке? Приезжают посреди учебы, ведут себя скрытно... Не удивлюсь, если решили провериться на бесплодие.

По врачебному опыту Ван Сюань знал: в деревнях стоит сыграть свадьбу, как вся родня и соседи начинают бесцеремонно пялиться на живот новоиспеченной невестки. Будто заняться людям больше нечем.

В те времена люди панически боялись болезней, а уж если дело касалось детородных органов — молчали до последнего, оберегая тайну пуще зеницы ока. Многие женщины терпели до упора и шли в больницу только тогда, когда терпеть становилось невыносимо, запуская недуг до критической стадии. Врачам оставалось лишь вздыхать — не станешь ведь отчитывать несчастных за глупость. Кому-то не хватало денег, но чаще виной был глупый стыд.

— Наверняка девчонку совсем заездили домашние, — вздохнул Ли Кай. — Помнишь, они рассказывали, как родня прислала целый мешок каких-то кореньев и трав? То ли его бабка, то ли теща еще и амулет у гадалки выпросила, заставила под матрас спрятать.

— Да уж, дикость какая-то, — покачал головой Ван Сюань.

— Вот-вот. Год без детей — дело житейское, да и Цичжи парень крепкий, с детства как заведенный носился. Скорее всего, жену везет обследовать.

— Тут не угадаешь, — возразил Ван Сюань. — Способность иметь детей мало связана с внешней крепостью. Бывает, мужик здоров как бык, а зачать не может. Вот только у нас в деревне в таких бедах всегда принято винить женщину.

<http://bllate.org/book/19654/1996855>